

О. Г. Ласунский

ЛЮБОВЬ МОЯ — ОСОРГИН

У меня в прошлом было немало различных и достаточно сильных увлечений, которые определяли содержание того или иного периода моей духовной биографии. Чаще всего они возникали в связи с какими-то незаурядными литературными именами. Осоргинская полоса в моей жизни была, пожалуй, одной из самых ярких. Ее отголоски будоражат меня и поныне. Вот и сейчас с удовольствием возвращаюсь к этой теме, тем более, что есть конкретный повод. В марте 2011 года на филологическом факультете ВГУ состоялась защита кандидатской диссертации, посвященной анализу художественной картины мира в романе М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» (в нем изображена судьба одного московского профессорского семейства и его окружения, попавших в жестокий водоворот революционной эпохи). Соискательницей ученой степени стала аспирантка Воронежского государственного педагогического университета Галина Папшева. Защита прошла успешно, что и неудивительно: насколько я мог судить по автореферату диссертации, последняя выполнена на достойном уровне.

Когда я писал официальный отзыв на автореферат Г. Папшевой, мне невольно вспомнилась наша многолетняя переписка с жившей в Париже (а впоследствии — в Сент-Женевьев-де-Буа) вдовой М. А. Осоргина — Татьяной Алексеевной, в девичестве Бакуниной (из знаменитого тверского рода Бакуниных). Одним из главных «пунктиков» эпистолярного диалога был неизменно вопрос о будущей участи творческого наследия М. А. Осоргина. Помните, я убеждал Татьяну Алексеевну, что придет срок (начало переписки относилось к далеким советским временам), когда фигура ее мужа приобретет в России такое влияние, что его произведения станут предметом не толь-

ко живого читательского интереса, но и пристального исследовательского внимания, что об Осоргине будут создаваться диссертации. Татьяна Алексеевна, похоже, не разделяла моего оптимизма, но мои прогнозы, по счастью, вполне оправдались. Сегодня книги Осоргина можно встретить в любой крупной библиотеке (не только общественной, но и личной). Немало насчитывается и «осоргинских» диссертаций. Особенно популярен в этом отношении автор «Сивцева Вражка» среди ученых в родных местах — Перми, Уфе. Теперь вот «отметился» и Воронеж...

Михаил Андреевич Осоргин (1878—1942) оказался в числе пассажиров небезызвестного «философского парохода», на борту которого находились неугодные большевистской власти видные деятели из сферы науки, литературы, искусства. Пароход отбыл из Петрограда в Германию осенью 1922 года. Насильственно высланным людям было обещано, что года через три они смогут вернуться; верней всего, это была очередная обманная уловка советской верхушки. Пленникам «философского парохода» пришлось остаться за кордоном навсегда. Осоргин год провел в Берлине, а в конце 1923 года перебрался в Париж, где и развернулся в полную меру его великолепный талант прозаика. Именно там он завоевал себе право войти в ряд наиболее значительных представителей русской зарубежной словесности. Его произведения, в конце концов, вошли в золотой фонд нашей отечественной литературы...

В изгнании Осоргин часто обращался внутренним взором к милым его сердцу уральским краям. Он родился в губернской Перми, на берегах величественной Камы и с задором утверждал, что не она впадает в Волгу, а совсем наоборот. Себя Осоргин считал «крестником

Камы». Знакомые с детства картины писатель запечатлел во многих своих книгах. Пронзительная ностальгическая нота звучит в автобиографической повести «Времена», которая занимает особое место в беллетристическом наследии Осоргина. «Времена» пронизаны чувством горечи, жгучей, все пожирающей тоски по России. Это — исповедь человека, оторвавшегося от родимых корней, выброшенного из отчего гнездовья, оказавшегося на чужбине. С какой нежностью рассказано здесь о поре отрочества и юности, какими ласковыми эпитетами награждается красавица Кама! Мало найдется в литературе XX века сочинений, написанных с такой изобразительной силой и с такой степенью психологической достоверности. Мне удалось обнаружить «Времена» в четырех номерах популярного среди молодежи журнала «Уральский следопыт» (1989).

Я неслучайно использовал для своих осоргинских публикаций массовую уральскую периодику. С ее помощью в обширном российском регионе возник благодарный земляческий интерес к практически неведомому прежде имени. Первые мои работы об Осоргине появились еще в давнюю, застойную пору в журнале «Урал» (1982) и альманахе «Уральский библиофил» (Свердловск, 1984). Горбачевская перестройка позволила придать осоргинской теме новый импульс. Произведениями писателя заинтересовались многие центральные издания, особенно после моей статьи «Цветы с Родины» в «Литературной газете» (1989). Еще ранее Татьяна Алексеевна предоставила мне право действовать от ее имени при сношениях с редакциями, пожелавшими напечатать осоргинские тексты (они доставлялись мне из Парижа в виде ксерокопий). В конце 1980-х — начале 1990-х годов мои многочисленные публикации появились в московских журналах «Вопросы литературы», «Русская речь», «Советская библиография», «Берегиня», «Природа и человек», «Панорама» и др., в «Альманахе библиофила», еженедельнике «Книжное обозрение», в «Литературной газете» и т. п.

В 1988 году на очередных Бирюковских чтениях в Челябинске я выступил с докладом «Урал в судьбе писателя М. А. Осоргина». Пермские краеведы в кулуарах смущенно признались: для них стал открытием сам факт существования такого замечательного земляка, как Осоргин. С тех пор у меня завязались тесные отношения с пермяками. Я несколько раз побывал на берегах Камы, подготовил для местного издательства томик мемуарной про-

М. А. Осоргин

зы Осоргина (1992), по мере сил содействовал присвоению одной из городских библиотек имени писателя (и выступал там), радовался появлению мемориальной доски на здании бывшей мужской гимназии, где учился Михаил Ильин (подлинная фамилия Осоргина). Ко мне из Перми приезжала сотрудница областного краеведческого музея Т. П. Чуракова: она увезла с собой множество ценнейших мемориальных предметов, которые Т. А. Осоргина переправляла мне с оказией из Франции. Позднее Татьяна Павловна устроила в музее большую выставку, посвященную Осоргину (я ее видел, когда в октябре 1992 года участвовал в традиционных для Перми Смышляевских чтениях).

Мне, честно говоря, не хотелось расставаться лишь с одной симпатичной вещицей — подлинным рисунком широко известного в эмиграции художника Федора Рожанковско-го. Рисунок в свое время украсил обложку осоргинской повести «Вольный каменщик» (1937). Михаил Андреевич поместил рисунок под стекло, аккуратно окантовал его, прикрепил металлическую петельку и повесил над своим письменным столом. Видимо, работа Ф. П. Рожанковского имела для писателя какой-то особый, сокровенный смысл: не стоит забывать, что Михаил Андреевич и сам был правоверным масоном и рассматривал масонство как один из действенных путей со-

вершенствования человеческой природы, да и социального мироустройства тоже. Кстати, Татьяна Алексеевна не только полностью разделяла убеждения супруга на сей счет, но и углубленно занималась изучением масонского движения в России. На могиле мужа в маленьком французском городке Шабри она установила камень с масонским крестом на нем... Я рисуночек Рожанковского отреставрировал и долго им любовался. Но когда энтузиастка-осоргинистка Людмила Викторовна Масалкина пригласила меня выступить в библиотеке, нареченной ее усилиями именем писателя-земляка, я сам привез дорогую мне реликвию в город на Каме. Теперь она тоже находится в фондах Пермского краеведческого музея...

Мое увлечение Осоргиным началось с тех дней, когда у меня в руках оказались ксерокопии его «Заметок старого книгоеда» из парижской русскоязычной газеты «Последние новости» (1928—1934). Я был ими покорен: сами по себе весьма познавательные, они были к тому же еще совершенно блестяще написаны. Многие российские библиофилы отдали дань подобного рода сочинительству: их рассказы о редких изданиях и различные коллекционерские байки охотно помещают на своих страницах солидные журналы. Однако эти любительские опыты обычно лишены литературного обаяния. Осоргинские же «заметки», помимо любопытного содержания, притягивали

к себе магией писательского слова. Они прельщали еще и самым романтическим пафосом собирательства как одной из духовных граней человеческого бытия. Михаил Андреевич, по свидетельству его вдовы, мечтал об издании своих «заметок» отдельным сборником, но это намерение так и не осуществилось.

Мне удалось сделать то, что не удалось автору: «Заметки старого книгоеда» появились в образцовом московском издательстве «Книга» (1989). Небольшого формата томик на прекрасной бумаге с массой иллюстраций, в том числе и цветных, вышел тиражом 25 тысяч экземпляров и моментально разошелся по рукам. Татьяна Алексеевна, думаю, не поверила своим глазам, когда раскрыла посланную мною бандероль с сигнальным экземпляром книги. Это и понятно: в нашей стране хотя и наступала новая политическая эра, отношение к эмигрантским авторам еще оставалось прохладным. Поэтому не могу не упомянуть добрым словом тех, кто способствовал выходу в свет «книгоедских» заметок — главного редактора издательства А. Э. Мильчина, заведующую редакцией Т. В. Грому и писателя В. Г. Уткова, который выступил в роли внутреннего рецензента... В Воронеже тоже вышел составленный мною сборник осоргинских произведений (1992): издательство ВГУ охотно откликнулось на предложение подготовить книгу литературных и иных воспоминаний М. А. Осоргина (вошла туда и мемуарная «Повесть о сестре»)...

Наряду с предметами писательского обихода, окружавшими супруга, Т. А. Осоргина прислала мне немало книг из семейной библиотеки (ее составу и способам комплектования, ее трудной судьбе я посвятил в 1995 году доклад на одной из петербургских научных конференций по проблемам теории и истории библиофильства). Все эти экземпляры вернулись к Татьяне Алексеевне уже после войны с помощью знакомых букинистов. На некоторых книгах был наклеен художественно исполненный экслибрис М. А. Осоргина — гравюра на дереве, нарезанная еще в 1920-х годах гравером И. Н. Павловым.

Экземпляры собственных сочинений писатель обыкновенно отдавал переплести хорошему мастеру. Например, «Вольный каменщик» был одет в изяшный цельнокожанный переплет и вставлен в особый футляр... Все доставленные мне от Т. А. Осоргиной книги, в их числе и индивидуально оформленные экземпляры, находятся сейчас в Зональной научной библиотеке ВГУ, в составе моего персонального фонда. На его базе уже более десяти лет про-

водятся ежегодные книговедческие чтения, на которые приглашаются сотрудники всех вузовских библиотек Воронежа.

Но один из экземпляров, сберегавшихся у Осоргиных, так ко мне и не попал. Чудесные «Вещи человека», принадлежавшие перу «Старого книгоеда», вышли в Париже (1929) ограниченным тиражом — 150 экземпляров, из которых 100 были пронумерованы и снабжены собственноручной подписью автора. Осоргин в свойственном ему лирическом ключе поведал об уцелевших у него материнском портрете и отцовском дневнике. Повествование о сугубо материальных предметах приобрело черты едва ли не философского эссе...

Первый экземпляр «Вещей человека» любящий муж преподнес, разумеется, жене Танечке: это произошло, согласно осоргинскому автографу, 21 февраля 1929 года. Предварительно над экземпляром поколдовал переплетчик, который по заказу Осоргина облек его в какую-то особую кожу, сохранив при этом в неприкосновенности обложку работы графика А. Шема. Татьяна Алексеевна очень дорожила этим подарком, но при бегстве супругов в свободную от гитлеровских оккупантов зону Франции вынуждена была оставить его дома. Немцы библиотеку Осоргиных (и богатейший архив писателя) вывезли из Парижа, и в дальнейшем книги растворились среди печатных изданий, наводнивших после войны полки букинистических лавок по всей Европе.

Каким-то образом танечкин экземпляр «Вещей человека» попал в Киев и осел в собрании Т. Р. Крыжановского, о чем свидетельствует его экслибрис. Лет десять тому назад московская антикварная фирма «Гелос» выставила книгу на продажу. В ходе ожесточенной аукционной схватки экземпляр перешел во владение В. В. Тарноградского, одного из самых блистательных столичных библиофилов. Я был дружен с Всеволодом Валериановичем, часто у него бывал. Валерьяныч, как любой коллекционер, не обходился без того, чтобы не похвалиться своими приобретениями. Осоргинские «Вещи человека» он обычно демонстрировал гостям напоследок, как некую «изюминку». При этом хозяин не переставал подчеркивать, что экземпляр облачен в кожу дикого вепря... Когда пребывавший в преклонных летах В.В. Тарноградский умер и библиотека перешла к его сыну Игорю, я свел с ним крупного столичного собирателя М. В. Сеславинского, ко-

торый продолжил «охоту на вепря» (его выражение). Охота окончилась успешно, и ныне на переплете книги имеются уже три владельческих знака... Непредсказуемы миграционные маршруты книжных редкостей во времени и пространстве! Да об этом, собственно, и говорит в своих «Заметках старого книгоеда» М. А. Осоргин: он, как никто другой, знал, сколь причудливо складываются биографии отдельных экземпляров и как важно не упустить их из библиофильского поля зрения!..

Сейчас М. А. Осоргин занял подобающее ему место в иерархии писательских величин. Он по справедливости обрел статус классика. На его родине проходят соответствующие научно-практические конференции, в Перми даже создан художественно-документальный фильм «Эпитафия к жизни. Возвращение Осоргина» (2006), в котором роль писателя сыграл тамошний скульптор Николай Хромов. Пермьки вообще сделали из Осоргина культовую фигуру, и это легко понять: кто еще из литераторов-земляков с такой поэтической мощью воспел губернскую Пермь?! Уверен, что рано или поздно на берегах «крестной матери» — Камы появится монумент М. А. Осоргина.

Мне бы очень хотелось, чтобы как можно больше воронежцев ощутило очарование этого замечательного художника слова, испытывавшего все беды русского беженства за границей, но так и не забывшего родимые пейзажи. В творчестве М. А. Осоргина подкупает не только неизбывная тяга к отеческим пенатам, но и чисто эстетические достоинства: глубоко исповедальная интонация, мягкая, чуточку сентиментальная, но чаще самоироническая манера письма, умение подчеркнуть точно подмеченную деталь, языковое совершенство (между прочим, Осоргин был отменным стилизатором и подражал Пушкину и Лермонтову), сочетание вымысла и реальности, свободное владение различными беллетристическими жанрами. Высокая степень образной энергетике, какое-то внутреннее душевное тепло, разлитое в осоргинских текстах, не позволяют читателю остаться к ним равнодушным...

Если вы еще не знакомы с произведениями М. А. Осоргина, советую побыстрее исправить свою оплошность. Уверен: вы влюбитесь в этого писателя так же, как это произошло со мной много-много лет назад!

